

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ РУССКИХ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН БЕЛОГО МОРЯ¹

Свадебные песни поморов Белого моря образуют достаточно стройную структурно-ритмическую систему, обладающую целым рядом признаков и песенных типов, которые можно считать общими для всего региона. Так, очевидно существование во всех циклах двух групп песен, различающихся по ритмо-временному соотношению напевов и текстов; наличие песенно-ритмических структур более высокого порядка, объединяющих некоторую, большую или меньшую, часть напевов каждого данного цикла в единую систему; общий принцип ритмического расширения, который проявляется как в отдельных песнях (внутристрофовое ритмическое расширение), так и в соотношении ритмических структур разных песен внутри цикла и т.д. Сама возможность выявления общей типологии песенно-ритмических структур (1-я глава) подтверждает такой вывод.

Вместе с тем ритмические структуры и системы отдельных песенных циклов (2-я глава) и некоторые музыкально-этнографические характеристики (3-я глава) показывают, что конкретные формы реализации этих общих признаков и закономерностей на разных частях побережья существенно различаются. Для того чтобы получить более цельное представление о свадебных песнях Белого моря, необходимо суммировать частные наблюдения, сделанные при анализе отдельных циклов и песенных групп (типов), т.е. попытаться наметить ареалы и границы музыкально-песенных диалектов внутри беломорской свадебной традиции и определить их общие характеристики.

---

¹ В статье использован текст не публиковавшегося ранее заключения из кандидатской диссертации автора «Русские свадебные песни поморов как музыкально-этнографическая система» (1976), выполненной прежде всего на материалах экспедиционных поездок автора на побережье Белого моря (1971–1974 гг., в том числе совместно с Т.А. Бернштам в 1972 г.). Поскольку далее в тексте есть отсылки на главы диссертации, приведу их названия. Глава 1. Основные типы песенных ритмических структур (здесь же обосновывается принцип «ритмического расширения» — внутристрофового и междустрофового); Глава 2. Ритмические системы местных свадебных циклов (рассмотрены 13 циклов и особый тип песен Кандалакшской губы); Глава 3. Напевы и обряд: 1) Функциональное значение напевов в обряде; 2) Напевы и песенная терминология. Заключение. Музыкальные диалекты беломорских свадебных песен.

Рукопись диссертации хранится в научной библиотеке РИИИ.

Свадебные напевы предполагают два уровня диалектного членения — собственно музыкальные диалекты и диалекты музыкально-этнографические. Очевидно, что к первому уровню будут принадлежать музыкально-структурные признаки — форма строфы, ритмические и интонационно-ладовые структуры, а также тип соотношения ритмических структур внутри свадебного цикла и т.п.; ко второму же уровню нужно отнести, например, место исполнения обрядовых песен в общей структуре обряда, соотношение напевов и участников действия («партии жениха и невесты»), некоторые специфические обрядовые формы, например корильные величания, направленные на определенных участников действия); соотношение песенных структур и обрядовых терминов; включение некоторых внеобрядовых песен в обрядовый цикл («утушные», «шестерки», виноградня) и т.д. В такой именно последовательности и с этих двух точек зрения и рассмотрим наш материал¹.

Разумеется, настоящий опыт определения музыкальных диалектов беломорских свадебных песен заранее ограничен аналитическими рамками проведенного исследования, т.е. учитывает преимущественно песенно-ритмические структуры и некоторые музыкально-этнографические признаки и, следовательно, в принципе не может быть окончательным, но нуждается в продолжении — как в части музыкально-аналитической (например, специальный анализ интонационно-ладовых моделей, типов фактуры), так и в жанровом отношении (включение песен других жанров).

Нужно также заранее иметь в виду, что границы территориального членения по разным признакам могут не совпасть и даже скорее всего не

---

¹ Автор использовал в диссертации следующие музыкально-фольклорные материалы: 1) опубликованные: Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. / Записали слова Ф.М. Истомин, напевы Г.О. Дютш. СПб., 1894; Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А.В. Марковым, А.Л. Масловым и Б.А. Богословским // Труды МЭК. Т. I–II. М., 1908–1911; Русские народные песни Поморья / Сост. и соб. С.Н. Кондратьева. М., 1966; *Балашов Д.М., Красовская Ю.Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969; Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.А. Коски, А.А. Митрофанова. Л., 1971 и 2) архивные: экспедиции автора 1971–1974 гг. (архив сектора фольклора РИИИ); звукозаписи Т.А. Бернштам 1970 г. (Архив МАЭ РАН) и материалы Архива КарНЦ и Фонограммархива ИЯЛИ РАН. Всего использовано около 300 записей беломорских свадебных песен из 43 населенных пунктов.

За прошедшее время добавился только один основательный сборник: Русская свадьба Карельского Поморья: В селах Колежме и Ньюче / Изд. подг. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Отв. ред. Е.В. Гиппиус. Петрозаводск, 1980 (*реплика 2010 г.*).

совпадут. Но это тоже представляется одним из важных методических принципов: сопоставление ареалов, которые будут обнаруживаться по разным признакам и на разных уровнях диалектного анализа. Очевидно, что устойчивым диалектом можно будет считать совпадение наибольшего числа признаков, а ареалом этого диалекта — территорию, на которой они фиксируются.

Наконец, последняя оговорка связана с тем, что весь материал может и не дать диалектных признаков, которые бы охватывали и членили все беломорское побережье. Могут обнаружиться: 1) территориально «белые пятна» — как результат отсутствия или недостаточного количества материала из некоторых местностей; 2) недифференцирующиеся участки побережья, обладающие некоторыми общими или, наоборот, разными признаками; 3) признаки, общие для свадебных песен не только всего Белого моря, но и для большой территории Русского Севера. Другими словами, какая-то часть материала может оказаться вообще без диалектных признаков (или они просто не обнаружены?) — ни с точки зрения местных диалектов, ни для всего беломорского региона в целом¹.

Карта

Первые ареальные границы определяются распространением основных типов ритмо-временного соотношения напевов и текстов: песни 1) слогового ритмического строя (по терминологии Е.В. Гиппиуса), 2) внутрислоговой ритмической пульсации² и 3) «плясового» типа

---

¹ Из трех названных возможностей последняя в диссертационной работе не рассматривалась. Мы лишь обозначили ее в качестве необходимого направления дальнейших исследований, хотя некоторые попутные наблюдения, выходящие за пределы Белого моря, отмечались в 1–2-й главах.

² В более поздней работе (в соавторстве с Е.Е. Васильевой) мы предложили называть этот тип ритмики *b-квантитативным* — в отличие от прямого квантитатива. См.: [Васильева, Лапин 1989]. Далее в тексте применяется именно такое название (*прим.* 2010 г.).

В фольклористической практике более распространенной стала формула гнесинской (Гиппиусовской по происхождению) школы СМРФ — слоговая музыкально-ритмическая форма; она же закреплена и в терминологическом словаре новейшего вузовского учебника. См.: Народное музыкальное творчество / Отв. ред. О.А. Пашина. СПб., 2005 (серия «ACADEMIA XXI»). В данной статье сохраняется оригинальная формула СРФ — слогоритмическая форма, поскольку теперь, вернувшись к старому тексту, я понимаю, что формула СМРФ избыточна. Что касается формулы МРФН — метроритмическая форма напева, то это аналитически-инструментальное изобретение 35-летней давности пусть останется на совести тогдашнего автора. Впрочем, на его материале и в проблематике диссертации оно достаточно хорошо работало (*прим.* 2010 г.).

(с плясовой ритмоформулой). На этом уровне четко очерчивается один определенный и яркий ареал — песни второго типа, зафиксированные на сплошной береговой линии Кандалакшской губы: от Черной Реки на севере Карельского берега до Кузреки включительно в западной части Терского берега. На всех остальных берегах существуют песни первого типа; третий (плясовой) тип распространен на всем беломорском побережье, в том числе и на Кандалакшской губе.

Диалектное членение песен внутри этих двух типов обнаруживается на других структурных уровнях. Для песен первого типа такими уровнями оказываются, в частности, метроритмическая форма напева (МРФН) и форма слогоритма (СРФ)¹. При этом и здесь сохраняется

«Пример песни “Из-за лесу, лесу темного” показывает, что метрическая форма в свадебных песнях определенного типа оказывается устойчивым структурным уровнем и объединяет значительное число мелодически не идентичных песенных вариантов из разных местных традиций. <...> Уровень этот <...> возникает в результате взаимодействия двух компонентов — слогоритма и слоговой нормы с устойчивой метрикой (силлаботонического стиха) в определенных стилистических условиях (нормативное равенство единиц обоого порядка). В то же время очевидно, что типологически МРФН беломорских песен выше уровня слогоритма, так как одна МРФН объединяет несколько СРФ» (из 1-й главы, с. 35 рукописи; *прим.* 2010 г.).

Своеобразные микроареалы образуют текстовые инципиты этой песни: «По сенечкам» в восточной части (Тетрино, Пялица), «Уж ты звездка» — во всех остальных селах Терского берега (см.: [Балашов, Красовская 1969: № 33–36] и записи автора 1972 г.).

Из этого ареала выпадает Вялозеро, так как записанная в этой деревне песня «Уж ты звездка» относится к кандалакшскому, а не терскому типу ритмики.

Здесь и далее пользуемся традиционным названием села Сорока, которое после строительства Беломорско-Балтийского канала превратили в районный центр Беломорск.

Гридино и Черная Река называются здесь как предполагаемые границы, так как между ними расположено с. Кереть, из которого мы, к сожалению, не располагаем записями свадебных песен. Возможно, что в этом случае граница могла передвинуться именно в Кереть, так как Черная Река определенно принадлежит уже кандалакшскому музыкальному диалекту (во всяком случае по записанным здесь песням *b-квантитативной* ритмики).

Кроме текста диссертации первое наблюдение было достаточно подробно описано автором в публикации [Лапин 1974], второе — в вышедшей позднее статье [Лапин 1978] (*прим.* 2010 г.).

¹ Напомним, что Карельский берег, например, представлен только одним, хотя и добротным сборником, а следовательно, в значительной мере выборочно; Зимний берег представлен записями только из села Зим. Золотица; наконец, Летний берег в наших материалах практически не представлен (по причинам, от автора не зависевшим) — кроме единичных записей Истомина-Дютша и

иерархия уровней: так, на всех берегах (кроме Кандалакшской губы) зафиксирована МРФН 2+3+2+2, но ее слогоритмические формы выявляют три ареала — Поморский, Онежский и Терский берега¹.

Метроритм и слогоритм как диалектные признаки оказываются тесно связанными с принципом ритмического расширения. Под этим углом зрения рассмотрим одну группу песен, которая в общей структурной типологии не рассматривалась в качестве самостоятельной, поскольку все они относятся к песням слогового ритмического строя. В отношении же диалектного членения эти песни весьма показательны.

Имеется в виду ритмическая структура свадебных циклов Поморского берега:

Пр. 1

За - тря - сло бы те - бя сва - ту - шка

В ритмических системах сел Сорока, Сухое и Вирма ясно видна взаимосвязь ритмической структуры с основной МРФН 2+3+2+2 (см. гл. 1). Однако интересующая нас ритмическая структура Поморского берега существует в беломорских свадебных песнях в двух вариантах: 1) как самостоятельная форма одностроичной строфы (Поморский берег и с. Варзуга на Терском берегу) и 2) как форма полустрофы в двухстрочных песнях с внутрострофовым ритмическим расширением (по всем берегам, кроме Поморского и Кандалакшского):

Маркова-Маслова. Добавим еще, что на Карельском берегу в смысле сохранности и чистоты диалектной традиции имели, очевидно, отрицательное значение многие объективные факторы, которых не было на других частях беломорского побережья, — влияние Кеми как уездного города, долго сохранявшееся старообрядчество, активное взаимодействие с карельским населением и т.д.

¹ Неожиданная переключка обнаруживается между Вялозером и Выгостровом на Поморском берегу — в обоих селах зафиксированы песни кандалакшского типа. Своеобразие этой переключки усиливается и географическим положением обоих населенных пунктов — они расположены не на морском побережье, а на некотором удалении от него, по рекам, впадающим в Белое море.

Эти связи, возможно, свидетельствуют и о каких-то контактах иного порядка, имевших место в прошлом.

Пр. 2

Жа - ло - би - ла - се пла - ка - ла

- 2 + 3 + 2 + 3 + 1 -
 | ∨ | ^
 - 2   +3   +3 + 3

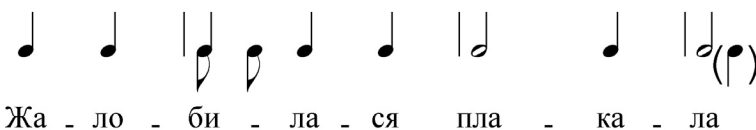
Отметим сразу инверсию двух средних ритмических ячеек по сравнению с формой Поморского берега. Инверсия эта устойчиво фиксируется почти во всех имеющихся вариантах данной формы. Единственное исключение — песня «Среди Бела-города» [Истомин, Дютш 1894: 95, № 3], записанная от уроженки д. Яренга на Летнем берегу (Онежского полуострова): слогоритмическая форма первой полустрофы в ней точно совпадает с формой Поморского берега.

С разницей строфической формы четко соотносится и различие этнографическое: на Поморском берегу и в Варзуге эта форма связана только с корильными величаниями жениху и свату; двухстрочные же песни подчиняются общему принципу свадебных напевов-формул, т.е. объединяются с разными текстами (в наших материалах зафиксированы 17 сюжетов). Таким образом, СРФ в песнях слогового ритмического строя подвижна как в отношении музыкально-песенной структуры, так и в этнографическом отношении. Ареал распространения в данном случае, как видим, совпадает на обоих уровнях диалектного членения.

Внутри второго большего ареала (двухстрочная строфа с ритмическим расширением) диалектные различия реализуются на уровнях МРФН и СРФ и количества зон ритмического расширения внутри строфы. Различия эти, рассмотренные в 1-й главе, выявляют три района: 1) Карельский и Поморско-Онежский берега (от Нюхчи до Нижмозера) и низовья Сев. Двины (д. Глинник); 2) западная часть Терского берега (Кашкаранцы и Оленица) и Пурнема на Онежском берегу; 3) восточная часть Терского берега (Варзуга, Чапама).

Ритмическая структура рассматриваемой формы связана еще с одной большой группой песен. Локализация этих песен на карте также дает положительный результат. Имеется в виду ритмическая форма второй полустрофы, в которой снимаются почти все ненормативные ритмические расширения и возникает структура постоянной трехдольной метроритмической пульсации:

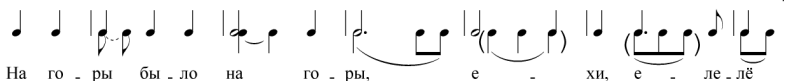
Пр. 3

Эта ритмическая форма в качестве второй полустрофы сохраняется почти во всех песнях с ритмическим расширением. В «чистом» же виде, т.е. как форма всей строфы (с однократным проведением или с точным повторением в двух полустрофах), она фиксируется только в песнях Терского берега. Здесь эта форма связана исключительно с сюжетом «По сениям, сенечкам», ареал ее распространения — от Умбы до Пялицы, т.е. весь Терский берег.

Как структура смысловой части строфы рассматриваемая форма объединяется с припевами-рефренами, различными как по тексту, так и по слогоритмической форме. На Терском берегу (Оленица, Кашкаранцы, Варзуга) она связана только с песней «На горы было» и имеет следующий, одинаковый во всех трех селах вид:

Пр. 4

На Карельском берегу (Гридино, Поньгома) также существуют подобные песни, но с иными, чем на Терском берегу, и разными рефренами (номера в примере указаны по сб.: [Карельское Поморье 1971]):

Пр. 5

О - кол Но - во - го го - ро - да, ой я вью, вью да ель - е - лю 154 Гридино

Со - хо - ду ко - ра - бе - льно - го, да е - хи да 153

По - до все го - ро - да по - до - шла, е - ли - е - лю, е - ли - е - лю да 155

Сы - ро - е - ли - ю ре - ка про - те - кла, е - ли - е - лю, е - ли - е - лю 159 Поньгома

Проведенный анализ позволяет сделать следующие промежуточные выводы.

1. С точки зрения общей типологии мы дополнили обзор основных структурно-ритмических форм беломорских свадебных песен группой песен, рассмотренных в структурно-диалектной динамике.

2. Локализация ритмических форм этой группы песен выявляет следующие ареалы.

Поморский берег от Выгострова до Вирмы включительно — особая однострочная «корильная формула», относящаяся к жениху и свату. Поскольку именно эта ритмическая структура входит почти во все песни с внутрострофовым ритмическим расширением, распространенные на всех остальных берегах (кроме Кандалакшской губы), постольку на Поморском берегу (в обозначенных границах) этот последний тип песен отсутствует — и это тоже диалектный признак.

Другие части побережья, где эта ритмическая форма не выступает в качестве корильного величания и является формой полустрофы, дифференцируются на других структурных уровнях следующим образом:

карельский, Онежский берега и низовье Северной Двины;
западная часть Терского берега и Пурнема (Онежский берег);
Восточная часть Терского берега.

В свою очередь первый из этих трех ареалов дифференцируется еще на два — по другим песенным формам, связанным с рассматриваемой.

В южной части Онежского полуострова (Тамица, Нижмозеро, Пурнема) локализуется другая «корильная формула», отличающаяся от формулы Поморского берега как ритмической структурой, так и этнографической привязкой — она адресована тысяцкому, сватье и жениху. Сюда же следует отнести типологически сходную корильную формулу д. Глинник (низовья Северной Двины).

На Карельском берегу (Гридино и Поньгома) локализуется строфическая форма с припевом-рефреном, смысловая строка которой имеет структуру постоянной трехдольной метрической пульсации (и является второй полустрофой в форме с ритмическим расширением).

Эта же строфическая форма, но с иной СРФ припева-рефрена локализуется на Терском берегу (Оленица, Кашкаранцы, Варзуга).

Наконец, «чистая» форма трехдольной метрической пульсации фиксируется только на Терском берегу (от Умбы до Пялицы).

Таким образом, суммарно в рассмотренной цепи признаков четко выделяются:

▪ в качестве музыкально-структурных и одновременно музыкально-этнографических ареалов — *Поморский* и *Онежский* берега;

- как музыкально-структурные ареалы — *Терский* и *Карельский* берега; при этом между ними обнаруживаются достаточно широкие связи;
- «точечные» связи — западная часть Терского берега и Пурнема (на Онежском полуострове): Онежский берег и Глинник (в устье Сев.Двины); Поморский берег и Яренга (на Летнем берегу);
- наконец, Терский берег обнаруживает некоторое членение на западную (Оленица, Кашкаранцы) и восточную части (Варзуга, Чапама).

В качестве *границ* между диалектными зонами можно пока назвать: *Нюхча* — начало *онежского диалекта* (на Поморском берегу); *Выгостров* и *Сорока* — конец *поморского диалекта* на северо-западе;

Гридино — конец *карельского диалекта* на севере;

Черная Река — начало *кандалакшского диалекта* на юго-западе;

Умба — начало *терского диалекта* на западе.

В связи с пенями слогового ритмического строя остается добавить еще три зоны, определяющиеся разными строфическими формами, в напевах которых происходит смена единицы ритмической пульсации:

- Онежский берег — песни с одинаковой формой полустроф;
- Зимний берег (Зим. Золотица) — с одновременным внутрострофовым расширением;
- Терский берег (и Черная Река на Карельском берегу) — смена пульсации в конце однострочного напева.

В силу ограниченного объема настоящей статьи опускаем фрагмент текста, в котором столь же подробно рассматриваются различные формы песен плясового типа и характер ритмических систем отдельных свадебных циклов — также с ареальной локализацией этих признаков. Сейчас нам важно показать методику выявления пучков диалектных признаков и их локализации на территории беломорского побережья. Продолжим текст с кратких выводов, которые были тогда сделаны автором (*реплика 2010 г.*).

Итак, по *музыкально-структурным* признакам в беломорских свадебных песнях четко выявляются четыре диалектных ареала — *Поморский, Онежский, Терский берега* и *Кандалакшская губа*.

Попробуем локализовать *музыкально-этнографические* признаки и сопоставить их ареалы с ареалами музыкальных диалектов.

Наиболее общей музыкально-этнографической характеристикой представляется время исполнения песен в общей структуре свадебно-

го обряда. За точку отсчета в этом случае можно принять, очевидно, момент венчания, которое во всех отношениях разделяло обряд на две части. В этом плане беломорская свадьба представляет два варианта и, соответственно, два больших ареала. На всем западном побережье, от Кандалакши до Колежмы, т.е. на Кандалакшском, Карельском и Поморском берегах, обрядовые песни исполнялись только до венца. («У жениха песен не поют» — так говорили наши информанты в Кандалакшской губе, имея в виду стол в доме жениха после венца.) Исключение представляют обряды в с. Сухое и Колежма (Поморский берег), Гридино и Калгалакша (Карельский берег), где свадебные песни пели и после венца [соответственно: Кондратьева 1966, комм. 38; Карельское Поморье 1971: 19 (примеч.)]. На всей остальной части побережья от Нюхчи до Умбы, т.е. в южной части Поморского, на Онежском, Летнем и Терском берегах, обрядовые песни пели как в довенечной части обряда, так и после венца. Исключение — обряд Зим. Золотицы, где песни исполнялись только до венца.

Наиболее общий признак выявляет и наиболее крупное ареальное членение. Другие музыкально-этнографические характеристики рассмотрим в такой последовательности, которая дает постепенное сужение ареалов их распространения. Первое «смещение» поморско-карельско-кандалакшского песенно-этнографического ареала возникает при сопоставлении его с территорией распространения виноградий, включенных в цикл свадебных обрядовых песен. Это Карельский, Поморский, Онежский и Летний берега. Внутри этого ареала можно выделить еще две зоны — по территориям распространения двух рассмотренных выше «корильных формул», специфических для Поморского и Онежского берегов. При этом «корильные формулы» точно локализируются: поморская — в Сороке, Выгострове, Шижне, Сухом и Вирме; онежская — Тамиза, Нижмозеро, Пурнема. В Колежме на Поморском берегу зафиксирована та же песня (по тексту), что и в других селах Поморского берега, но уже с другим самостоятельным по ритмической форме напевом.

Выше мы уже не раз отмечали один из музыкально-этнографических признаков беломорской свадьбы — включение в цикл обрядовых песен какой-либо плясовой. В каждой местной традиции это была определенная в жанровом отношении и, как правило, вообще одна песня (с одним текстом). К сожалению, материала на этот счет недостаточно, но и тот, что имеется, позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся диалектов.

Наиболее определенная картина вырисовывается на Поморском и Кандалакшском берегах. На Поморском берегу (Сорока, Сухое, Вирма) жених и невеста *ходят утушкой*, в Кандалакшской губе (Княжая, Ниж. Кандалакша) — пляшут *шестерку*. Различна и структура этих песен. СРФ однострочной «Утушки» относится к песням слогового ритмического строя и одинакова во всех зафиксированных вариантах [Кондратьева 1966: № 38, 71, 92]. Кандалакшская *шестерка* — плясовая, с плясовой ритмоформулой в качестве композиционной основы. При этом и формы строфы в имеющихся вариантах различны — однострочная, двухстрочная и четырехстрочная (с ритмическим дроблением во второй половине мелострофы).

Если иметь в виду *хождение утушкой* жениха с невестой только как этнографический факт, то он фиксируется на сплошной береговой линии Карельского, Поморского и Онежского берегов. Однако практическая реализация этого «факта» различна и на Карельском и Онежском берегах достаточно пестра. Например, на Выгострове во время свадьбы исполняли утушную «Офицерик молодой», форма которой основывается на четырехкратном проведении плясовой ритмоформулы [Карельское Поморье: № 97 и комм.]. В Шуерецком и некоторых других деревнях Карельского берега *утушкой ходили* под свадебную «Чтоль по сеням, по сенечкам» [Там же: № 169 и комм.]. Это связано, вероятно, и с общей утратой музыкально-этнографической традиции плясовых и хороводных песен, в силу чего местные жители зачастую относят к *утушным* любые песни, связанные с народной хореографией, или игровые, утравшие собственно игровой компонент.

Снова опустим фрагмент текста и продолжим его с очередных промежуточных выводов.

Таким образом, определяется еще один параметр диалектного членения, возникающий на перекрестье музыкальных и этнографических признаков:

- Карельский, Поморский и Онежский берега — обрядовые *утушные*;
- Кандалакшская губа — обрядовая *шестерка*;
- Терский, Зимний берега и устье Сев. Двины — без обрядовых плясовых;
- структура собственно плясовых фиксируется только на Поморском берегу (*утушные*) и в Кандалакшской губе (*шестерка*);

▪ в то же время ритмическая структура *утушных* Поморского берега обнаруживается в обрядовых песнях на всех остальных берегах (с вариантами СРФ).

Кроме важности собственно ареальных наблюдений, рассмотренная ритмическая структура еще раз свидетельствует о разомкнутости цикла обрядовых свадебных песен и о жанрово-сюжетной трансформации песенно-ритмических форм.

Кандалакшская губа и Поморский берег как определенные музыкально-этнографические ареалы характеризуются еще двумя признаками: 1) существованием персонифицированных «музыкальных партий», т.е. формульных (политекстовых) напевов, достаточно четко соотнесенных с функционально-обрядовым разделением участников свадебного действия на «партию невесты» и «партию жениха», — на Поморском берегу (сюда же примыкает Пурнема на Онежском берегу) и 2) соответствием между общей музыкально-структурной дифференциацией напевов цикла и обрядовой народно-песенной терминологией — в свадебных традициях Кандалакшской губы (и в какой-то степени западной части Терского берега).

Итак, из всех рассмотренных музыкально-этнографических признаков существенными в диалектном отношении можно считать: а) винограда, б) особые структуры плясовых песен, включенных в песенно-обрядовый цикл, в) специфические «корильные формулы», г) персонификацию формульных напевов и д) соответствие песенных структур (на разных уровнях) и песенно-обрядовых терминов. По этим признакам выявляются три музыкально-этнографических ареала — ***Поморский, Онежский берега*** и ***Кандалакшская губа***.

Попробуем теперь свести воедино все варианты диалектного членения, полученные в результате анализа музыкально-структурных и музыкально-этнографических признаков.

Очевидно, что большая часть признаков, взятых по отдельности, не дает полной картины диалектного членения. Только при сопоставлении ареалов, выявленных по всем рассмотренным признакам, вырисовываются более или менее определенные диалектные территории, в основном совпадающие с традиционными «берегами» как некоторыми хозяйственно-бытовыми единствами. Это Поморский, Онежский, Терский берега и Кандалакшская губа. Остальные части побережья (Карельский, Летний, Зимний берега) либо дифференцируются, как правило, только по отдельным признакам, либо «тянут» к другим берегам, обладающим целым комплексом отличительных признаков, образующих определенно выраженный диалект.

Таблица

Выделяемый признак	Части побережья (берега)
Музыкально-структурные признаки	
1. Песни <i>b</i> -квантитативной ритмики	– – – – – <i>Терс. Канд.</i> (зап.)
2. МРФН 2+3+2+2 с устойч. СРФ-ми	– Пом. Онеж. – – Терс. –
3. Внутрострофовое ритм. расширение	Кар. – – – – Терс. –
4. Смена единицы ритм. пульсации	– – Онеж. – Зим. Терс. –
5. Песни плясового типа	– Пом. Онеж. – – <i>Терс. Канд.</i>
6. Ритм. системы локальных циклов	– Пом. Онеж. – Зим. Терс. Канд.
7. «Составные» песенные формы	– – – – – <i>Терс. Канд.</i>
Музыкально-этнографические признаки	
8. Время исполнения песен в обряде	
а) только до венца	<i>Кар. Пом. – – Зим. – Канд.</i>
б) до и после венца	– – <i>Онеж. Лет. – Терс. –</i>
9. Виноградья в обряде	
10. Плясовые в обряде	
а) <i>утишные</i>	– Пом. – – – – –
б) <i>шестерка</i>	– – – – – – – Канд.
11. Музыкальные «партии» невесты и жениха	– Пом. – – – – –
12. «Корильные формулы»	– Пом. Онеж. – – – –
13. Структурно-обрядовая терминология	
а) «женатые–холостые»	– – – – – <i>Терс. Канд.</i> (зап.)
б) «кружки»	– – – – – – – Канд.
Примечание: соседние берега, выделенные <i>полужирным курсивом</i> , образуют один общий ареал.	

С другой стороны, приведенное соображение в достаточной мере относительно, так как соседство с какой-либо территорией, являющейся ареалом ярко выраженного диалекта, подчеркивает разницу в характеристиках песенных традиций обоих ареалов. Это относится, например, к Карельскому берегу, на котором отсутствуют яркие диалектные признаки Поморского берега и Кандалакшской губы. Но именно это отсутствие и можно считать характеристикой Карельского берега как диалектного ареала, четко отграниченного соседями с севера (Кандалакшская губа) и юга (Поморский берег).

Здесь уместно будет добавить наблюдения, сделанные позднее по двум музыкально-фольклорным жанрам — виноградьи и свадебным причитаниям. Наблюдения эти имеют непосредственное отношение к проблеме определения музыкально-этнографических диалектов Поморья.

Многолетнюю и систематическую работу по сбору и звукозаписям свадебных причитаний («стихов») провела Е.Б. Резниченко. Последняя из цикла ее статей, посвященных поморской свадебной причете, связана именно с нашей темой. Она так и называется: «Поморская свадебная причеть: перспективы ареального исследования» [Резниченко 2008]. Автор предлагает опыт картографирования причеты по двум музыкально-этнографическим признакам: исполнители (способ исполнения) и жанровая разновидность (групповая причеть — ансамбль «особых воплений», сольная причеть — невеста) с соответствующим типом мелоса (в первом случае — напевы с развитой внутрислоговой мелодикой). Вторая карта фиксирует разновидности причетного стиха: двухударный, трехударный и смешанный (чередование двух и трехударных стихов). Первая карта представляет «самое значимое для поморской традиции деление на западную и восточную зоны». Западная зона — это, по Резниченко, Терский, Кандалакшский, Карельский и Поморский берега; восточная — Онежский, Летний и Зимний берега. «В западном Поморье свадебная причеть представлена исключительно ансамблевой разновидностью. В свадьбе восточного Поморья доминирует сольная причеть. Ансамблевые голошения встречаются не повсеместно (преимущественно на Летнем и Онежском берегах) и представляют собой единичные вкрапления в обряд». Кроме того, на самой южной дуге Онежского берега зафиксирована «переходная между групповым и сольным видами» разновидность причеты с соответствующей «переходной» стилистикой (исполняется невестой вместе с девушками) [Резниченко 2008: 202–203, карта 1].

Вторая карта, выполненная пока еще не полностью, показывает примерное совпадение типов причетного стиха с границами традиционных поморских берегов (двухударный тонический — Зимний берег, смыкаясь с традицией нижней Мезени; трехударный — Летний и восточная часть Онежского берегов; смешанный двух-трехударный стих — Поморский и западная часть Онежского берегов) [Там же: 204–205, карта 2]. К сожалению, обе карты предложены только в виде контурных, без обозначения поморских сел. Поэтому их можно соотнести с нашими данными лишь приблизительно.

Гораздо более сложную картину обнаруживает распространение и роль виноградий в беломорской свадебной традиции в целом [Бернштам, Лапин 1981]. Виноградья так или иначе вошли в свадебный обряд Поморья в качестве величания с несколькими сюжетами и почти по всему побережью, кроме Кандалакшской губы и Летнего берега. На Летнем берегу функцию виноградья выполняет так называемый «Дунай» — сва-

дебная песня (сюжет которой иногда называют еще «три окуня»), структурно подобная виноградьи и называемая здесь *виноградьем*.

Что касается роли винограда в песенной системе Русского Поморья в целом, то приведем здесь итоговые выводы из указанной работы. «В силу большой активности традиции винограда, а также и потому, что винограде-песня была основной и почти единственной песенной формой рождественских обходов дворов, на Севере, в том числе и в Поморье, именно винограде как песенная структура оказалось одним из важнейших интегрирующих элементов народно-песенной и в первую очередь обрядовой традиции Поморья в целом. Под воздействием винограда происходило складывание различных песенных форм и сюжетов в разных районах побережья в единую, структурно взаимосвязанную систему. Форма “Дуная” — не винограда — один из элементов этой системы [Карельский, Летний, Зимний и Терский берега]. Второй — <...> музыкально-песенная форма “Скопина”, также испытывавшая структурное воздействие винограда [Зимний, Терский берега и Кандалакшская губа]. Рассматривая географию распространения сюжетов, мы уже отмечали, что в Поморье, в частности, каждый из сюжетов бытовал не повсеместно. Однако три эти формы — собственно винограде (сюжеты благопожелания, вышивание, молодец, перстень), “Дунай” с названием *винограде* и без оно и “Скопин” — фиксируются вдоль всего беломорского побережья, либо со-существовая, либо дополняя друг друга» [Там же: 95, картосхема 6].

«По отношению к беломорским свадебным песням винограде являлось, по-видимому, своеобразной интегрирующей музыкально-песенной формой, оказавшей сильнейшее структурное воздействие на свадебные песни и способствовавшей превращению их в единую достаточно цельную систему, преодолевающую известную обособленность отдельных берегов. Песенно-ритмическая структура винограда “прорастает” в большом слое свадебных песен, ритмические формы которых представляют своего рода “подобны” виноградем. [Кроме того,] все свадебные “формы-подобны” <...> получают от виноградей целый комплекс признаков: а) структурную связь с формой виноградей; б) функциональную половозрастную дифференцированность — все свадебные сюжеты связаны почти исключительно с парой “жених–невеста” или холостыми гостями; в) моносюжетность — определенную песенно-ритмическую форму, всегда связанную только с одним свадебным сюжетом; индивидуальным знаком сюжета является ритмическая форма припева, которая не повторяется в других песнях данной традиции» [Бернштам, Лапин 1981: 99].

Теперь можно вернуться к проблеме диалектов (*реплика 2010 г.*).

Нужно, кроме того, иметь в виду поправки, неизбежно возможные в силу неполноты имеющихся материалов. Кроме характеристик диалектов это относится — и, может быть, в первую очередь — к определению диалектных границ. Вообще, границы диалектов как одна из проблем музыкально-песенного диалектного членения заслуживают особого рассмотрения. Наш материал позволяет высказать на этот счет только некоторые соображения и сделать некоторые частные наблюдения.

Очевидно, что границы между названными выше диалектными ареалами беломорских свадебных песен отнюдь не непроходимы. Напротив, они проницаемы и подвижны, что явно следует из многостороннего рассмотрения материала. В сводную таблицу были включены только те признаки, которые достаточно определенно выявляли диалектные ареалы. Другие же признаки, как мы старались показать, дают смешение ареалов, частичное или полное их совпадение, наконец, взаимосвязь всех или почти всех ареалов (например, общая типология ритмических структур; плясовой тип песен, существующий на всем побережье; место песен в общей схеме обряда и т.д.). На разных структурных уровнях границы диалектных ареалов двигаются, смещаются, «наступают», накладываются на соседние территории, образуя смешанные (маргинальные) зоны.

Такова, например, Умба и соседние с ней Кузрека и Вялозеро в западной части Терского берега. По музыкально-этнографическим признакам они принадлежат свадебной традиции Терского берега в целом. В то же время это крайняя восточная зона распространения кандалакшского песенного типа (*b*-квантитативной ритмики) — наиболее четко выраженного и яркого среди всех беломорских диалектов. В свою очередь, внутри этой маленькой зоны выделяется Вялозеро, расположенное между Умбой и Кузрейкой: песня «Уж ты звездка», распространенная именно с таким зачином от Умбы дальше по Терскому берегу, по своей ритмической структуре принадлежит не терскому, а кандалакшскому типу. Наконец, район Умбы и следующая за ним Оленица входят в кандалакшскую же песенно-терминологическую зону (оппозиция «холостые–женатые»). С другой стороны, Кандалакшская губа, являясь ярким и четко локализующимся музыкальным диалектом, в наибольшей степени связана с Терским берегом характерными структурами двухдольных («составных») напевов.

Подвижность границ и самих ареалов усиливается и «точечными» связями сравнительно цельных диалектных ареалов с отдельными циклами на других частях побережья, например, уже отмечавшиеся связи Терского берега и Пурнемы (на Онежском берегу), Онежского берега и

Глинника (в устье Сев. Двины), Терского берега и Черной Реки (на Карельском берегу), Кандалакшской губы, Выгострова и Вялозера и т.д.

Диалектные зоны не равнозначны по своей интенсивности, т.е. по плотности характеризующих их признаков, степени определенности границ ареалов, соотношению их с традиционными, издавна сложившимися территориально-хозяйственными единствами. Так, например, села Ковду, Княжую и Ниж. Кандалакшу можно считать ядром ареала кандалакшского диалекта; с юга он имеет довольно четкую границу (Черная Река), с северо-запада по разным признакам захватывает разные же части Терского берега и, наконец, полностью объединяется с ним одной структурно общей группой песен. Терский берег как диалектная территория выглядит более спокойно, но обнаруживает некоторую тенденцию к разделению на две части, восточную и западную (хотя Варзуга в известной мере централизует и объединяет его в единое целое). Резко распадается на две половины Поморский берег, и его юго-восточная часть начиная с Нюхчи фактически принадлежит онежскому музыкально-этнографическому диалекту. В то же время та маленькая территория, которую можно считать ареалом собственно поморского диалекта, обнаруживает, например в персонификации формульных напевов и ритмических системах, самостоятельные варианты в свадебных циклах буквально каждого села.

Такой эскизно намеченной картиной многослойной пульсации диалектов мы и закончим опыт музыкально-диалектного членения, поскольку именно такая картина, на наш взгляд, соответствует реальным соотношениям, взаимосвязям и перекрестам в свадебных песнях Белого моря.

Библиография

Балашиов Д.М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.

Бернштам Т.А., Латин В.А. Виноградье — песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3–109.

Васильева Е.Е., Латин В.А. Об одном ритмическом типе русских свадебных песен // Народная музыка: История и типология. Памяти проф. Е.В. Гиппиуса (1903–1985) / Ред.-сост. И.И. Земцовский. Л., 1989. С. 116–134.

Истомин, Дютш 1894 — Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали слова — Ф.М. Истомин, напевы — Г.О. Дютш. СПб., 1894.

Карельское Поморье 1971 — Русские народные песни Карельского Поморья / Изд. подг. А.П. Разумова, Т.А. Коски, А.А. Митрофанова. Л., 1971.

Кондратьева 1966 — Русские народные песни Поморья / Сост. и собир. С.Н. Кондратьева. М., 1966.

Латин В.А. Напевы свадебных песен Поморского берега Белого моря // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 189–200.

Латин В.А. «Холостые» и «женатые кружки» в терско-кандалакшской свадебной традиции // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 232–246.

Марков, Маслов 1906, 1911 — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А.В. Марковым, А.Л. Масловым и Б.А. Богословским. Ч. I. Зимний берег Белого моря / Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. I. М., 1906; Ч. II. Терский берег Белого моря / Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. II. М., 1911.

Народное музыкальное творчество / Отв. ред. О.А. Пашина. СПб., 2005 (серия «ACADEMIA XXI»).

Резниченко Е.Б. Поморская свадебная причеть: перспективы ареального исследования // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции. М., 2008. С. 199–205.

Русская свадьба Карельского Поморья: (в селах Колежме и Нюхче) / Изд. подг. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Отв. ред. Е.В. Гиппиус. Петрозаводск, 1980.

Е.Б. Резниченко

СВАДЕБНАЯ ПРИЧЕТЬ ВОСТОЧНОГО ПОМОРЬЯ: «ЛОКАЛЬНОЕ» И «УНИКАЛЬНОЕ»

«Поморские» работы Татьяны Александровны Бернштам, посвященные целостному рассмотрению традиционной культуры Беломорья [Бернштам 1978, 1983], в глазах научного сообщества давно уже получили статус классики российской этнографии. Особое значение они имеют для изучения фольклора этого региона, в частности музыкально-го наполнения поморской свадьбы.

Исследователи могут почерпнуть из работ Татьяны Александровны данные по местной свадебной, пред- и послесвадебной обрядности, найти карты традиционных брачных связей, получить разносторонние сведения по истории заселения края, различным сторонам материаль-